

УДК 94(47) + 070(09)(47)
1(470) (091)
DOI 10.52452/19931778_2021_3_25

РУССКИЕ ЛИБЕРАЛЫ ПЕРЕД СУДОМ ДОСТОЕВСКОГО (1876–1881 гг.)

© 2021 г.

В.А. Кумаев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

vlakit2@mail.ru

Поступила в редакцию 21.05.2021

Анализируются главные тематические линии в борьбе Достоевского против русского либерализма на страницах «Дневника писателя» в 1876–1881 гг., выявляется персонификация им враждебной идеологии, характеризуются некоторые особенности антилиберальной аргументации в публицистике писателя. Его противостояние теории и практике либерализма рассматривается как преддверие последнего этапа в истории славянофильско-западнической конфронтации.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Дневник писателя», Т.Н. Грановский, Е.И. Утин, В.Д. Спасович, И.С. Тургенев, А.Д. Градовский, К.Д. Кавелин, либерализм, консерватизм, западничество, славянофильство, славянский вопрос, адвокатура, конституционализм.

Антилиберализм как одна из важнейших характеристик системы общественно-политических воззрений Достоевского неизменно отмечался многочисленными исследователями биографии и творчества писателя. Однако никто из них так и не попытался воссоздать более или менее целостную картину его борьбы с одним из главных своих идейных противников. Попробуем продвинуться в этом направлении, ограничивая пока собственную задачу анализом публицистики писателя и подготовительных материалов к ней, относящихся к 1876–1881 гг. Именно в это время Достоевский издавал (с перерывами) «Дневник писателя».

Небезынтересно то, каким рисовался Достоевскому собирательный образ идейного антипода в тот момент, когда он оказался на пороге неизбежного журнального столкновения с ним. Писатель представил свое видение либерального сообщества в мартовском выпуске «Дневника» 1876 г. Уже в начале царствования Александра II либералы, отмечал он, «как бы отторгнулись всей массой от общего дела, вообразив, что в том-то и прогресс и либерализм». Если и встречались среди них люди, «действительно страдающие, чистые и искренние», в чем-то напоминавшие Белинского, то их было совсем немного. В большинстве же «это все-таки была лишь грубая масса мелких безбожников и крупных бесстыдников, в сущности тех же хапуг и “мелких тиранов”, но фанфаронов либерализма, в котором они ухитрились разглядеть лишь право на бесчестье». Достоевский не отрицал того, что либеральная идея – это изначально идея «честная». Но, попадая «на улицу», она подвержена неизбежному огрублению. Ос-

вобождение крестьян принесло с собой глубокое моральное разложение русского общества, и либеральный лагерь не стал здесь исключением. «Множество расстроившихся состояний» породило внутри его «нетерпеливое недовольство, громкие слова, прикрывавшие лишь эгоистическую злобу за материальные неудачи» [1, т. 22, с. 101–102].

Как видим, градус предубежденности в отношении либерализма и либералов был у Достоевского чрезвычайно высок. Но он не собирался пребывать в состоянии безразличия к устремлениям этой части русского общества. Правда сразу же отсекалась возможность каких-либо компромиссов с ней. Главной причиной непримиримости было отношение либералов к реалиям реформированной по их рецептам России. Достоевский характеризовал его в первом выпуске «Дневника» как «успокоенность», «квиелизм». Это отношение, на его взгляд, никак не вязалось с сущностью либерализма. «Либералы наши, – писал он, – вместо того, чтобы стать свободнее, связали себя либерализмом как веревками» [1, т. 22, с. 7]. На их фоне Достоевский чувствовал себя «всех либеральнее» по одной простой причине. Он «совсем не желал успокаиваться». Таким образом, провозглашалась полная свобода от уз не только либеральной, но любой другой идеологической доктрины. Такой представлялась ему одна из «подробностей» собственного либерализма. Он пока не стеснялся произносить вслух слова «мой либерализм». Но недалекое будущее показало, что Достоевский, ощущая себя абсолютно свободным в критическом отношении к вышедшим из реформ институтам, не мог все-таки хоть на йоту отступить

от основ собственного мировоззрения, пойти не на словах, а на деле хотя бы на небольшую уступку идейному противнику.

Достоевский приступил к изданию своего моножурнала в обстановке углубления Восточного кризиса 1875–1878 гг., породившего в России мощную волну симпатий к южным славянам и деятельного участия в поддержке их борьбы за свое освобождение. Славянская тема была чрезвычайно важна для Достоевского и потому не могла не стать сквозной в начальный (и главный) период существования «Дневника писателя» (1876–1877 гг.).

Первая атака Достоевского на позицию либералов в славянском вопросе была персонифицированной. Под ударом оказалось имя, много говорившее читателю «Дневника». Писатель начал с оппонирования Т.Н. Грановскому. За известным историком и одним из родоначальников западничества 1840-х гг. в общественной памяти закрепилась статья «Восточный вопрос с русской точки зрения», начавшая свое хождение в рукописи еще в 1855 г. Она была написана Б.Н. Чичериным, но автор предпочел скрыть свое имя. Из анонимной она превратилась в статью Грановского на страницах заграничного журнала «Благонамеренный» (1861, № 12). У Достоевского были некоторые сомнения относительно такой атрибуции [1, т. 23, с. 63]. Однако писатель не отказался от полемики именно с Грановским, посвятив ей значительную часть второй главы в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.

Достоевский, как известно, не впервые обращался к личности Грановского. Московский профессор-западник уже послужил главным прототипом С.Т. Верховенского в романе «Бесы». И создавая образ одного из персонажей первого плана в этом произведении, писатель, конечно же, немало размышлял над феноменом Грановского, опираясь на то, что успели сказать его биографы и их оппоненты.

Напомним, что статья Чичерина знаменовала собой пик либеральной оппозиционности в середине 1850-х гг., и «русская» проблематика явно доминировала в ней над «восточной». Достоевский, по его признанию, в момент ее первого прочтения «остался в высшей степени» согласен с ее автором. Но спустя два десятилетия она не могла удовлетворить его, несмотря на то, что в его глазах Грановский (будем придерживаться атрибуции статьи, принятой Достоевским) сохранял ореол «идеалиста сороковых годов в высшем смысле», «самого чистейшего из тогдашних людей» [1, т. 23, с. 64].

Главное же, что теперь оказывалось принципиально неприемлемым для автора «Дневни-

ка писателя», заключалось во взгляде Грановского на народ. Здесь, в этой точке, идеалист с «прекрасной душой», способный сострадать народу, обернулся «заклятым западником», который не хочет видеть в славянском деле «участия народа, мысли народной». Грановский готов «всегда признать в народе прекрасные зачатки, но лишь в “пассивном виде” и на степени “замкнутого идиллического быта”, а об настоящей и возможной деятельности народа – “лучше уж и не говорить”. Для него народ наш, даже во всяком случае, лишь косная и безгласная масса» [1, т. 23, с. 69].

Современное движение в поддержку славян опрокидывало это представление. «Нет, народ наш не матерьялист и не развращен еще духом настолько, чтоб думать об одних только насущных выгодах и о положительном интересе, – убеждал Достоевский своих читателей. – Он рад духовно, если предстанет великая цель, и примет ее как хлеб духовный». А «историку Грановскому» задним числом давалось наставление «знать, что народам дороже всего – иметь свои идеалы и сохранить их» [1, т. 23, с. 70].

Чем объяснить тот факт, что Достоевский, начиная борьбу со своим идейным противником на «славянском направлении», избрал для первого полемического выпада текст двадцатилетней давности? Вероятно, это произошло потому, что писатель не находил пока ничего достойного для развенчания либеральных антагонистов в их главных печатных органах: газете «Голос» и журнале «Вестник Европы». Немалое значение для Достоевского имел и авторитет имени, с которым связывалась статья 1855 г. Конечно, он не мог не питать надежды на то, что полемика с самим Грановским поднимет уровень общественного интереса к его публицистике. Эта фигура еще не раз появится на страницах «Дневника писателя» и в подготовительных материалах к нему. Функцией «Грановского» было олицетворение несостоятельности либерального западничества.

Достоевскому не пришлось долго ждать, чтобы продолжить полемическое наступление на позицию либералов в славянском вопросе. «Вестник Европы» наконец-то заявил о своем отношении к движению в пользу славян, развернувшемуся в России. Это было сделано Л.А. Полонским во «Внутреннем обозрении» сентябрьского номера за 1876 г.

Автор обозрения дистанцировался от «большинства населения», готового воевать за славян. Вопрос о войне и мире находился, по его мнению, исключительно в компетенции правительства. Публицист «Вестника Европы» не спорил с оценкой славянского дела как

«священного» для его защитников, но принимал ее только в плане единственно возможной, на его взгляд, цели движения – свободы славянских народов. Свобода как мотив и цель движения в поддержку славян была в глазах либерала Полонского гораздо выше того, что он называл «сочувствием по единоверию». «Если мы будем объяснять наше сочувствие к славянам главным образом тем, что они наши единоверцы, – писал он, – то как же мы должны будем относиться к тем из наших мусульман, которые стали бы собирать пожертвования в пользу турок или заявили бы желание ехать в турецкую армию» [2, с. 351–352]. Полонский отказывался примкнуть к ревнителям славянского дела не только потому, что их движение основывалось, главным образом, на идее вероисповедной солидарности. Его не устраивало и увлечение общества вопросом, который, по его убеждению, целиком лежал в сфере внешней политики, в то время как главной его задачей оставалась «скромная и черная работа у себя дома».

Несколько «славянских» страничек во «Внутреннем обозрении» Полонского стали для Достоевского сущей находкой. Теперь он мог, что называется, лицом к лицу сойтись с «последними могоканами теоретического, оторвавшегося от народа и жизни русского европейничанья». Критика позиции, занятой «Вестником Европы», составила половину объема сентябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.

Достоевский увидел в рассуждениях обозревателя «Вестника Европы» претензии ненавистного ему «либерального теоретизма» к стихийному, органическому явлению, каким, по его убеждению, было движение в пользу славян в России. Писатель защищал его таким, каким оно было в действительности. Только единоверие и могло быть истинным двигателем славянского дела, так как «русский человек не знает ничего выше христианства, да и представить не может» [1, т. 23, с. 130], тем более что христианство не отвергало ни свободы, ни веротерпимости. Христианское чувство, правда, не мешало Достоевскому тут же делать заявления далеко не примирительного свойства («русская земля принадлежит русским, одним русским» и т.д.). Что же до «страхов и опасений», будто славянское дело отвлечет русское общество от внутренней работы и бросит его в «сон труженика, исполнившего свой долг», то Достоевский находил их абсолютно безосновательными. «Поверьте, – писал он, – что раз возбужденная и забившая горячим ключом жизнь не остановится, самоупоение пройдет мигмом, и чем сильнее оно было, тем вернее настанет спасительное

отрезвление, с движением вперед и вперед» [1, т. 23, с. 133].

«Вестник Европы» отказался от полемики с Достоевским, считая бесполезным спор с противником, который «не рассуждает, а крестится». А сам автор «Дневника» в следующем, октябрьском выпуске повышал градус своих обличений либерализма, указывая уже на исходящую от него опасность «настоящей реакции народному движению, которая, по всем признакам, очень скоро подымет голову» и попытается запретить его [1, т. 23, с. 143].

Первый год издания «Дневника писателя» Достоевский завершил еще одним ударом по либерализму под тем же флагом восточного вопроса и славянского дела. В финальной части последнего выпуска 1876 г. он поделил большинство «нелюбителей славянского движения нашего» на две «рубрики»: «жидовствующие» и «европействующие». Надо пояснить, что первые являли у Достоевского не столько этническую группу, сколько молодую русскую буржуазию. Вторые были бездумными наследниками «либералов и прогрессистов» 1830–1840-х гг. «Прежде они считались демократами, – писал Достоевский, – теперь же нельзя себе представить более брезгливых аристократов в отношении к народу. Скажут, что они обличали в нашем народе лишь темные стороны; но дело в том, что, обличая темное, они осмелили и все светлое, и даже так можно сказать, что в светлом-то они и усмотрели темное» [1, т. 24, с. 64].

Тема неспособности либералов соединиться с народом в деле славянского освобождения продержится в «Дневнике писателя» вплоть до начала русско-турецкой войны (она была объявлена 12 (24) апреля 1877 г.).

Рядом с Т.Н. Грановским, принадлежавшим уже прошлому либерально-западнической традиции в России, на страницах «Дневника писателя» обозначилась еще одна фигура, по значимости своей не уступавшая московскому профессору и, более того, составлявшая серьезную конкуренцию Достоевскому-писателю. Это был И.С. Тургенев, чей либеральный европеизм никогда не являлся секретом для современников. Что же стало поводом к появлению имени Тургенева в журнале Достоевского?

В январском номере «Вестника Европы» за 1877 г. началось печатание последнего тургеневского романа «Новь», завершившееся в феврале. Достоевский незамедлительно откликнулся на это событие, не дожидаясь окончания публикации. «Художественное достоинство созданий Тургенева вне сомнения», – писал он в январском выпуске «Дневника». Но тут же заявлял о «совершенной ошибочности» взгляда

автора на изображенный им предмет и своем «глубоком несогласии» с этим взглядом [1, т. 25, с. 27–28]. Достоевский точно (с указанием страницы) адресовал своего читателя к тому месту тургеневского текста, где, по его мнению, концентрировалась «вся мысль произведения».

Роман Тургенева предлагал групповой портрет молодых народолюбцев. Но автор не ограничился здесь представлением всего лишь одного их типа – конспираторов и бунтарей, сторонников «безотлагательного действия» в народе. Несколько в стороне от них стоит фигура механика-управляющего бумагопрядильной фабрикой Василия Соломина. Именно характеристика этого идеального, с точки зрения Тургенева, радателя за народ, взявшегося не «за топор», а «за плуг», чтобы тщательно, не спеша поднимать новь народной жизни, вызвала протест Достоевского.

Вот как аттестовался этот персонаж автором «Нови»: «Соломин не верил в близость революции в России; но, не желая навязывать свое мнение другим, не мешал им попытаться и поглядывать на них – не издали, а сбоку. Он хорошо знал петербургских революционеров – и до некоторой степени сочувствовал им – ибо сам был из народа; но он понимал невольное отсутствие этого самого народа, без которого “ничего не поделаешь” и которого долго готовить надо – да и не так и не тому, как те. Вот он и держался в стороне – не как хитрец и виляка, а как малый со смыслом, который не хочет даром губить ни себя, ни других. А послушать... отчего не послушать – и даже поучиться, если так придется» [3, с. 92].

Можно спорить с Достоевским, заключалась ли здесь «вся мысль» тургеневского романа. Но надо отдать ему должное: он безошибочно уловил в приведенных словах еще одно подтверждение того, что, нарисовав образ Соломина, но при этом признав и нравственную безупречность той части молодежи, которая не могла умерить свое революционное нетерпение, Тургенев не в первый раз подтвердил свою склонность к оправданию противников русского либерализма слева. Об этом «грехе» Тургенева он уже «просигналил» раньше, в «Бесах», где «великий писатель» Кармазинов, образ которого был карикатурно списан с автора «Отцов и детей», уличался в «трепетании» и «подлизывании» перед молодыми революционерами [1, т. 10, с. 170].

Тургеневская «Новь» не отпускала Достоевского, и можно было ждать, что по прочтении ее второй части, он развернет свое заявление о «несогласии» с главной мыслью романа в полноценную полемику с ее автором. Он действи-

тельно вернулся к «Нови» в февральском «Дневнике», но уклонился от полемики с Тургеневым, неожиданно продемонстрировав, в сущности, согласие с соломинским типажом. Напомним, что Василий Соломин, в отличие от других действующих лиц, является выходцем из народа, управляет бумагопрядильной фабрикой, заводит при ней школу и больницу, будет пытаться внедрить уже на своем заводе («где-то там в Перми») артельные начала. Заговорив в связи с «Новью» о необходимости в современной России «истинных», «настоящих делателей», способных увлечь за собой «не насильем, а свободно», Достоевский, таким образом, включился всего лишь во вполне толерантную переключку с автором «Нови» [1, т. 25, с. 63].

Но Соломин не реабилитировал Тургенева в глазах Достоевского. Тот по-прежнему оставался для него европейцем-эмигрантом, либералом, одним из видных отцов современного нигилизма. Называя его «огромным писателем и знатоком русского языка» [1, т. 25, с. 140], Достоевский тут же мог и просто поерничать в отношении своего противника.

Тургеневская тема нашла место и в подготовительных материалах к «Дневнику писателя», причем нередко здесь было сказано то, что так и не дошло (или просто не могло дойти по раскованности языка) до читателя, оставшись на рабочем столе Достоевского. Обратимся к ним.

Именно в записных тетрадях 1876 г. Достоевский развернул настоящее наступление на роман Тургенева «Дым». Это произведение, как оказалось, не утратило для Достоевского силы серьезного идейного раздражителя спустя десять лет после своего выхода. Одним из героев этого произведения стал либерал-западник Потугин, энергично пропагандировавший свои убеждения. Достоевский воспринимал его как бесспорного двойника Тургенева.

На подступах к беловым вариантам своих текстов для «Дневника» Достоевский не сдерживал себя в выборе выразительных средств для низвержения автора «Дыма», его рупора в романе и, конечно же, идеологии, которая их объединяла. Тургенев, его Потугин и русский либерализм составили, в сущности, единую цель для поражения. Язвительность тона правила бал в заготовках к журнальным выступлениям.

В записных тетрадях либерализм предстает как идеология, проповедующая «буржуазный шаблон свободы и прав человека», как явление, абсолютно чуждое России и русскому народу. Для Достоевского – это синоним бездумного «европейничанья», которое несовместимо со «всяким зарождением на Руси самостоятельности» [1, т. 24, с. 301]. У либералов не может

быть никакой любви к России, веры в нее. Они обречены на «незнание русской жизни». «Они не могли не соединиться с Европой против народа русского» [1, т. 26, с. 202]. Псевдогуманные «баре»-западники «жалели» народ только потому, что «он не похож на парижскую чернь» [1, т. 26, с. 203]. В силу своей отвлеченности либерализм стал «аристократизмом, стал недемократичен» [1, т. 26, с. 310].

Либералы в современной России оказывались в одном ряду с «биржевиками и жидами». В то время как настоящие патриоты умирали за Россию на полях сражений русско-турецкой войны, новые русские буржуа «воровали и воровали», а либералы «сваливали всё на свойства русского народа и духа и поддразнивали», доказывая, что «там, где хоть чуть-чуть открыт доступ русскому человеку, там не может быть хощего» [1, т. 26, с. 187].

«Угрюмые тупицы» – Достоевский не нашел иных слов для лаконичной характеристики своих идейных противников. Рядом с ней можно было бы поставить и его оценку их теории и практики: «всё, что либерально, то и дрянно, то и пагубно» [1, т. 26, с. 245]. Вот к чему устремляются «европействующие»: они хотят «жидовства и разврата» [1, т. 25, с. 229].

В предварительных материалах к «Дневнику» Достоевский набросал несколько штрихов к портрету своего главного литературного противника – они будут интересны для нашей темы. «Тургеневу, – записывал он, – недостает знания русской жизни вообще. А народную он узнал от дворового лакея, с которым ходил на охоту (“Записки охотника”), а больше не знал ничего» [1, т. 24, с. 91]. За Тургеневым числился еще один «грех» – недостаток нравственной безупречности. Этот порок виделся ему в явном диссонансе между декларациями антикрепостнического свойства в «Записках охотника» и постройкой их автором виллы в Баден-Бадене на деньги бывших своих крепостных [1, т. 24, с. 74].

Не пощадил Достоевский и главные органы либеральной печати. «Вестник Европы» был назван «либерально-пресмыкающимся изданием», к тому же «торгующим» либерализмом. Он смеялся над педантизмом его редактора М.М. Стасюлевича, не допускавшего выхода очередного номера журнала позднее 1-го числа месяца [1, т. 24, с. 244, 256]. Газета «Порядок», которую Стасюлевич издавал в 1880 г., представляла «органом беспорядочной мысли» [1, т. 27, с. 67]. А вот как звучал приговор «Голосу» Краевского: «имеет вид дурака, которому дан голос» [1, т. 24, с. 244].

Либерализм, с которым имел дело Достоевский – автор «Дневника», воплощался не только в газетно-журнальной публицистике и романах

Тургенева. Постоянной мишенью критики стал институт адвокатуры, либеральная суть которого, как и нового суда в целом, была для него очевидна. В оценках судебной реформы Достоевский раздваивался. С одной стороны, он высказывал надежду на то, что новые суды могут стать «нравственной школой для нашего общества и народа» [1, т. 24, с. 19], признавал, что реформы 1860-х годов, в том числе и судебная, при всей их неудовлетворительности, имеют все-таки не «внешний» характер – «они соответствуют внутренним желаниям нашим» [1, т. 24, с. 194]; но в то же самое время находил в них «ложь», выражал недовольство зависимостью судебных учреждений от европейских образцов.

Эта двойственность в оценках исчезала, когда речь заходила об адвокатуре. Здесь Достоевский демонстрировал полную непримиримость к новому явлению в судебной практике. Подготовительные материалы к «Дневнику» полны эскапад против адвокатов: в их деятельности – попирающие нравственности в угоду правовому, юридическому формализму; они «извращают общественную совесть» [1, т. 24, с. 137]; их репутация в народе – «нанятая совесть», которую можно подкупить «деньгами, либерализмом, славой» [1, т. 24, с. 135]. Дискредитация адвокатуры строилась и на ее полном отождествлении со всеми «грехами» либерализма. Профессиональное и идеологическое совмещались.

Совсем не случаен тот факт, что особым пристрастием были отмечены высказывания Достоевского о деятельности именно либеральных по своим взглядам адвокатов: В.Д. Спасовича и Е.И. Утина, известных и по своему активному сотрудничеству с «Вестником Европы».

Имена Спасовича и Утина говорили Достоевскому, конечно же, гораздо больше, чем он сказал о них в «Дневнике» и записных тетрадах. Здесь же критическому разбору подверглись только защитительные речи того и другого в процессах по уголовным делам (Кронеберга и Каировой). Но в памяти Достоевского, наверняка, запечатлелись их выступления на суде по делу нечаевцев (1 июля – 11 сентября 1871 г.). Не приходится сомневаться в том, что интерес писателя к этому событию был очень высок. Но, к сожалению, нет никаких свидетельств о реакции автора «Бесов» на происшедшее в Петербургской судебной палате.

Издание «Дневника писателя» совпало по времени с тремя политическими процессами: по делам о Казанской демонстрации, «50-ти» и «193-х». Участие Спасовича и Утина в кульминационном процессе «193-х» обещало Достоевскому важный материал для компрометации своих противников (при условии, разумеется,

благорасположения цензуры). Но суд над участниками «хождения в народ» 1874 г., проходивший с 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г., для Достоевского «опоздал». Уже к декабрю решение о прекращении «Дневника писателя» «на год или два» им было принято, и он, таким образом, избежал искушения политизировать свою нелюбовь к либеральной адвокатуре. Однако тип удачливого, модного, но «обреченного на бессовестность» присяжного поверенного с «передовыми» взглядами не отпускал его, о чем свидетельствует роман «Братья Карамазовы», работа над которым пришлась на конец 1870-х гг. И когда речь заходит о возможных прототипах шаржированного образа адвоката Фетюковича, представленного здесь, обычно называется имя В.Д. Спасовича [4, с. 192].

Нет, наверное, большого смысла строить предположения относительно того, как могла бы развиваться «либеральная» тема в «Дневнике писателя», продолжил Достоевский его издание после 1877 г. Но одно можно и нужно отметить. В обстановке нарастания волны революционного террора неизбежно актуализировалась совсем не новая для его размышлений о России тема – тема ответственности «отцов»-либералов за преступления «детей»-нигилистов, которые «дальше их пошли». Писатель вынужден был бы обсуждать множившиеся проявления «подпольной нигилистины», «уличной револьверщины», объяснять их истоки. «Если будете писать о нигилистах русских, то, ради бога, не столько браните их, сколько отцов их. <...> корень нигилизма не только в отцах, но отцы-то еще хуже нигилисты, чем дети», – наставлял он в мае 1879 г. своего идейного союзника В.Ф. Пуцыковича и признавался ему (август 1879 г.), что и сам чувствует потребность высказаться на эту тему в качестве публициста [1, т. 30, кн. 1, с. 43, 62].

Знаменитая Пушкинская речь была произнесена Достоевским 8 июня 1880 г., а 13 июня она была уже напечатана в «Московских ведомостях». Одним из первых откликов на нее стала статья ведущего публициста газеты «Голос» профессора А.Д. Градовского «Мечты и действительность (По поводу речи Ф.М. Достоевского)» («Голос», 1880, № 174, 25 июня).

Градовский признавал здесь, что Достоевскому, как никому до него, удалось глубоко проникнуть в суть пушкинской поэзии. Но открытый им в творениях поэта тип «скитальца», явившегося в оторванном от жизни народа русском обществе, все-таки не нашел должного объяснения. И произошло это потому, что Достоевский попытался сделать это, основываясь исключительно на собственном мировоззрении.

А оно, по мнению автора статьи, имело «много слабых сторон».

Публицист «Голоса» указывал прежде всего на уязвимость абсолютизации Достоевским «личного совершенствования в духе христианской любви» как средства разрешения всех социальных проблем. Он протестовал против смешения личной и общественной нравственности, настаивал на том, что «никакое общественное совершенствование не может быть достигнуто *только* чрез улучшение личных качеств людей, составляющих общество» [5, с. 380]. «В весьма великой степени, – писал Градовский, – общественное совершенство людей зависит от совершенства *общественных учреждений*, воспитывающих в человеке если не христианские, то гражданские доблести» [5, с. 380]. Поэтому искать причину «скитальчества» надо было не в одних личных качествах «скитальцев», как это делает Достоевский, а в качествах прежних общественных учреждений. Кто же, как не лучшие из этих «скитальцев», подготавливали общество в первой половине нынешнего столетия к упразднению крепостного права.

«Самым важным пунктом» в «разномыслии» профессора-правоведа с писателем стал вопрос об отношении к «народной правде», смиряться перед которой Достоевский призывал русское общество. На требование принять народные идеалы «как нечто готовое, незыблемое и вековечное» Градовский отвечал категорическим «Нет!». «Общественные идеалы нашего народа, – говорилось в статье, – находятся еще в процессе образования, развития. Ему еще много надо работать над собой, чтоб сделаться достойным имени великого народа. Еще слишком много неправды, остатков векового рабства, засело в нем, чтоб он мог требовать себе поклонения и, сверх того, претендовать на обращение всей Европы на путь истинный, как предсказывает г. Достоевский» [5, с. 381].

Суть большой работы, которая еще только предстояла русскому народу, состояла в том, чтобы «развиться и укрепиться в качестве народности, умеющей и могущей делать *свое* общественное дело», «воспринять свободно начала общечеловеческой культуры», «открыть пути и средства для нашего творчества». В противном случае оно навсегда «останется в виде зародыша, давая миру одних нелепых “самоучек”, начиная от самоучек-механиков и кончая самоучками-“революционерами”».

Только справившись с этими задачами, и можно будет явить миру «в полном блеске» «народную правду». Только тогда интеллигентам-«скитальцам» найдется место «за общим

народным трудом». Тогда исчезнут и «глупые мечты» социалистов о «всемирном счастье». Отмена крепостного права устраняла главную причину российского «скитальчества» – оставалось только смело идти по пути, открывшемуся 19 февраля 1861 г. [5, с. 382–383].

«Голос» со статьей Градовского вышел 25 мая 1880 г., а несколькими днями позже в руках Достоевского мог оказаться июльский номер «Вестника Европы», где печаталась небольшая статья А.Н. Пыпина «С пушкинского праздника». Речь Достоевского удостоилась здесь особого внимания. Пыпин не оспаривал ее успеха, но в содержании произнесенного писателем не открылось ему ничего нового. Отталкивала не только очевидная вторичность опорных идей речи – «такие мысли высказывались издавна в славянофильской школе», но и тот бесспорный для него факт, что она была построена «на фальши». Дань ей писатель отдал в рассуждениях о способности русской души к «всемирной отзывчивости» и идеализации народа. В них Пыпин увидел «не новый пример самопрославления» и «обыкновеннейшее национальное самохвальство» [6, с. XXXII].

Враждебные суждения «Голоса» и «Вестника Европы» (да и не только этих изданий) резко контрастировали с восторженным приемом Достоевского в Москве, склоняли его к «ожесточенной», по его определению, отповеди либеральным противникам. Она должна была нести в себе и «исповедание веры» писателя «на всё будущее».

Четыре «лекции», составлявшие заключительную главу августовского «Дневника», адресовались А.Д. Градовскому, но должны были стать ответом всем критикам Пушкинской речи, нанести удар либеральному сообществу в целом. «Здесь уже высказываюсь окончательно и непокровенно, вещи называю своими именами, – писал Достоевский К.П. Победоносцеву 25 июля 1880 г. – Думаю, что на меня подымут все камни. <...> То, что написано там – для меня роковое. С будущего года намереваюсь «Дневник писателя» возобновить и теперь являюсь тем, каким хочу быть в возобновляемом «Дневнике»» [1, т. 30, кн. 1, с. 204]. Таким образом, свой ответ Градовскому он рассматривал и как заявление программы «Дневника», к изданию которого он собирался возвратиться. Но первый выпуск журнала за 1881 г. стал последним. 28 января писатель скончался.

Пространство борьбы с либералами-западниками в августовском «Дневнике» не ограничилось третьей главой, где шли «лекции» Градовскому. Достоевский ринулся в наступление уже в первой главе. Вернувшись здесь к не

оставлявшей его идее о желательности взаимного сближения славянофилов и западников, он сразу же посомневался в полной и скорой ее осуществимости. Если «просвещеннейшие» из западников, жавшие ему руку после произнесения Пушкинской речи, еще подавали какую-то надежду в этом смысле, то за ними толпились многочисленные эпигоны, которые никогда не откажутся от убеждения в том, что «цель славянофилов – это перекрестить всю Европу в православие». В снижающих обозначениях западного арьергарда не было и намека на примирение. В глазах Достоевского это – «масса оторвавшихся и отщепенцев», «середина-то, улица-то, по которой влачится идея», «смерды “направления” (а их как песку морского)» [1, т. 26, с. 136].

Достоевский начал свой спор с петербургским профессором с «пункта», который он посчитал «самым основным разногласием». Это был вопрос о сущности просвещения применительно к России и его отношении к просвещению европейскому. В отличие от своего оппонента он решительно отделил «науки Запада, полезные знания, ремесла», которые «действительно не должны нас миновать», от просвещения духовного. За этим высшим его проявлением, полагал Достоевский, России незачем ходить в Европу, потому что «наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение его» [1, т. 26, с. 150]. Это и есть «истинное просвещение, на «основном запасе» которого науки Запада обратятся для русского народа в «истинное благодеяние». И всякие сомнения в христианской просвещенности русского человека, как бы он ни бывал груб и грешен, должны быть отброшены. «В высшие, роковые минуты свои, – пишет Достоевский, – народ наш всегда решает и решал всякое общее, всенародное дело свое всегда по-христиански» [1, т. 26, с. 152–153]. Подъем народного духа в последнюю войну, а тем более причины этого подъема, осмеянные либералами, явились убедительным тому подтверждением. А ратовать в России за просвещение по-европейски могли, полагал он, только те, которые «стоят над народом, которые держат его в узде, которые обладают землей и пролетарием» [1, т. 26, с. 154].

Достоевский нашел в статье Градовского «дифирамб» русскому «скитальцу» и решительно отверг предложенную им трактовку этого образа как «высшего и либерального человека» – «идеала настоящего нормального русского человека» [1, т. 26, с. 161]. Он привел немало доводов против идеализации типа «Алеко и Онегина», реальные представители которого – оторванные от родной почвы «праздные бело-

ручки» – вполне могли оборачиваться Держимордами и «большими плутами».

Для автора «Дневника» особенно важно было показать ошибочность утверждения своего оппонента о важной роли «скитальцев»-либералов в деле подготовки русского общества к отмене крепостного права. «Отвлеченной болтовней разве послужили, источая гражданскую скорбь по всем правилам», – парировал Достоевский [1, т. 26, с. 161]. По-настоящему деятельным, по его мнению, было участие в подготовке крестьянской реформы людей вроде славянофила Самарина, но отнюдь не «скитальцев». «Скитальцам же это дело, по всем признакам, очень скоро наскучило, и они опять стали брезгливо будировать, – завершал Достоевский тему. – Не скитальцы бы они были, если бы поступили иначе. Получив выкупные, стали остальные земли и леса свои продавать купцам и кулакам на сруб и на истребление и, выселяясь за границу, завели абсентеизм... <...> Немного путного сделали эти люди в последние десятилетия на родной ниве. Это будет повернее, чем ваш дифирамб во славу этих прошлых господ» [1, т. 26, с. 161].

Только в третьей «лекции» Достоевский подошел к самому важному, с точки зрения его оппонента, пункту их «разномыслия». Градовский, как мы уже знаем, отверг религиозно-нравственный монизм писателя, фактически игнорировавший необходимость совершенствования общественных институтов. Писатель должен был искать дополнительные аргументы для усиления своей позиции. Она декларировалась здесь как защита примата «личного самосовершенствования в духе христианской любви» при сохранении его неразрывной связи с общественными идеалами и институтами. «Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы и первоначальной идеи нравственной? А нравственные идеи только одни: все основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования впереди, в идеале, ибо оно несет в себе всё, все стремления, все жажды, а, стало быть, из него же исходят и все ваши гражданские идеалы» [1, т. 26, с. 164].

В мировоззренческих установках европейско-либералов Достоевскому виделся серьезнейший изъян: «они ищут спасения в вещах и явлениях внешних». Их «самое важное слово» – «перенесение к нам европейских форм (которые там завтра же рухнут), народу нашему чуждых и воле его не пригожих» [1, т. 26, с. 167]. Европу совсем не спасают ее хваленые учреждения. Этот «муравейник, давно уже созидавшийся в ней без церкви и без Христа <...>, с расшатан-

ным до основания нравственным началом», «весь подкопан». В «дверь стучится и ломится» четвертое сословие. «Наступит нечто такое, чего никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все исповедуемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, жида – всё это рухнет в один миг и бесследно» [1, т. 26, с. 167–168]. «Комедия буржуазного единения» в Европе заканчивается, а волны разобьются «лишь о наш берег».

Что же касается России, то своим «неустройством», в котором ее постоянно упрекают либералы, она обязана исключительно им, русским европейцам. Именно они, полагал Достоевский, и были на протяжении двух последних веков, и особенно в последнее пятидесятилетие, самыми опасными врагами «органическому и самостоятельному развитию России на собственных ее народных началах» [1, т. 26, с. 170].

Достоевский в итоге вынужден был признать, что его нотации петербургскому профессору идут вразрез с призывом к примирению славянофильской и западнической партий, который прозвучал в Пушкинской речи. Но его всё же не покидало убеждение в пользе еще одного нелицеприятного объяснения между пока еще враждующими сторонами. Оно должно было хоть не намного, но все-таки изменить ситуацию в лучшую сторону.

«Градовский, – пишет в статье о нем В.А. Твардовская, – задумал отвечать на августовский “Дневник писателя”, но работа затянулась, а после смерти писателя он не стал публиковать статью с возражениями Достоевскому. Они мелькают в его статьях начала 1880-х гг., хотя ничего принципиально нового Градовский, продолжив полемику, не сказал» [7, с. 45]. Если ответная статья действительно замышлялась, то первым и очень важным шагом на пути к ней, стало, как нам представляется, выступление профессора в одном из последних августовских номеров «Голоса» за 1880 г. Именно здесь, по горячим следам «лекций» Достоевского, он попытался разрешить проблему, которая раньше не ставилась им так определенно, как это было сделано в данном случае. Мы имеем в виду статью «Либерализм и западничество». Градовский попытался разделить здесь эти понятия. В статье нет упоминаний имени Достоевского и его журнала, но имеется прямая отсылка к содержанию августовского выпуска. «Кстати, – пишет Градовский, – недавно мне бросили упрек, что я приписал старым западникам честь приготовления русского общества к отмене крепостного права и не упомянул о славянофилах. Это упрек вполне несправедлив» [5, с. 396].

Объяснив механизм дискредитации либерализма через уподобление его окарикатуренному западничеству, Градовский набросал картину «постепенного и радостного слияния» славянофильского и западнического лагерей «во имя великих национальных интересов». Этот процесс был неизбежен в условиях, когда «наше преобразовательное стремление шло вперед», и важной вехой здесь, «первым актом соглашения между славянофильством и западничеством» стала дружная работа представителей двух лагерей в Редакционных комиссиях. Ее результат воплотился в освобождении крестьян, которое совершилось совсем не так, как это было на Западе. Бывшие крепостные получили землю. И совсем не важно было, кому принадлежала эта мысль – славянофилам или западникам. «А дело просто, – писал Градовский, – мысль была общая. В ту великую минуту все русские умы думали порусски, потому что иначе они и думать не могли. Так будет всегда и во всем, когда важные вопросы будут поставлены на очередь и когда к их решению приступят русские люди» [5, с. 400].

Это согласие подверглось серьезному испытанию в последнее время. Его Градовский характеризовал как «несколько лет угара, колоссальнейших и нелепейших недоразумений, тягостного застоя во всех отправлениях внутренней жизни», когда «вся жизнь огромнейшего государства остановилась и атрофировалась под влиянием крамолы и усилий, направленных на ее искоренение» [5, с. 397–398]. Эта атмосфера оказалась благотворной для распространения «социалистических бредней», с одной стороны, и «мистических завываний» – с другой.

А «злоба дня» сегодняшней России, с точки зрения либерала, состояла в том, чтобы создать «более льготные условия существования, при которых могло бы развернуться национальное творчество», ускорилось бы развитие нравственных и материальных сил народа. Такая задача могла быть решена через «выполнение и развитие в подробностях программы, содержащейся в освободительных реформах нынешнего царствования». Либерализм при этом не собирався посягать на «существо» народности, рекомендовать ей «бестолковую и механическую подражательность».

Призывая к «общему делу», Градовский считал, что дело это – безусловно либеральное. Можно ли было винить в этом либералов? Ничуть. Ведь не виноваты же они в том, говорил он в оправдание единомышленников, что «большинство тех условий, от которых в настоящее время зависит дальнейшее развитие нашей родины, сводится, главным образом, к одному слову: *освобождение*» [5, с. 399].

Не исключено, что в том числе и к Достоевскому обращался автор статьи «Либерализм и западничество», когда указывал на отсутствие малейшего повода для возобновления спора между славянофилами и западниками. «Все здравомыслящие люди знают и понимают, что это так, – писал он. – Теперь никто в здравом уме и твердой памяти не поверит, что Европа “гниет” и развалится в непродолжительном времени. <...> Точно также никто в настоящее время не сомневается в известных *самобытных* качествах русского народа, и никто не станет проповедовать неразборчивых заимствований из Европы <...>» [5, с. 399].

Следов знакомства Достоевского со статьей Градовского, к сожалению, нет. А учет его реакции был бы очень важен для нашей темы. Ведь публицист «Голоса» затронул такой аспект либеральной идеологии в России, который привычно использовался писателем в целях дискредитации своего врага.

В конце 1880 г. Достоевский напряженно готовился к возобновлению «Дневника писателя». Одна из тем для разработки в его ближайших выпусках была задана «Письмом Ф.М. Достоевскому», появившимся в ноябрьском номере «Вестника Европы». Статья принадлежала К.Д. Кавелину. Достоевскому предстояло вступить теперь в поединок с ветераном русского либерализма.

Автор «Письма» с самого начала признался в своем расположении к писателю, высоко оценив его Пушкинскую речь и полемику с Градовским. За этим выражением благосклонности стояло твердое убеждение в том, что старые славянофильство и западничество сошли со сцены, а продолжение борьбы между «новыми» славянофилами и западниками (к последним он относил и редакцию «Вестника Европы») тем более не имело смысла. А потому Кавелин приветствовал примирительный пафос речи о Пушкине («пора, давно пора!»). Но это еще не означало, что он готов был принять все без исключения основополагающие идеи, проповедовавшиеся писателем [8, с. 267–271].

Что же отвергалось Кавелиным? Для него были неприемлемы идеализация религиозно-нравственного облика простого народа, ставка на нравственность как единственную основу общественного устройства, возвращение к тезисам славянофильско-западнической полемики сорокалетней давности. А долгожданное примирение направлений, считал он, могло состояться только на основе синтеза двух основных начал, к которым тяготели в отдельности славянофильство и западничество. «Правильный, полный анализ приводит, мне кажется, к тому

заклучению, что образцовая общественная жизнь складывается из хороших общественных учреждений и из нравственно развитых людей», – подытоживал свой спор с Достоевским Кавелин [9, с. 454].

Достоевский не успел ответить Кавелину. Диалог, на который рассчитывал последний, не состоялся. Не берем на себя смелость конструировать на основе его черновых записей возможный смысловой каркас ответа Кавелину. С определенностью можно пока сказать об одном новом и принципиально важном содержательном моменте, который должен был присутствовать в этом тексте. Писатель не смог бы уклониться от признания ошибочности своего недавнего убеждения в том, что партийное, западническо-славянофильское деление в России является «великим недоразумением». Тогда, в конце 1880 г., он жил с уверенностью в обратном. «Именно в последнее время, – писал он, – образовались в партии – славянофильство, правда, едва-едва, но западничество – это партия во всеоружии, готовая к бою против народа, и именно политическая» [1, т. 27, с. 58]. По своей сплоченности и организованности «русская партия» пока уступала противнику, но зато она «опиралась на весь народ». «Роль этой партии еще вся впереди, но она будет несомненно» [1, т. 27, с. 61].

Русские либералы в подавляющем большинстве своем высказывались на рубеже 1870–1880-х гг. за ограничение самодержавия как шаг, необходимый для завершения Великих реформ. Дал о себе знать тогда и «правительственный» конституционализм, хорошо прочитывающийся во взглядах П.А. Валуева, вел. кн. Константина Николаевича, М.Т. Лорис-Меликова. Перспектива либерализации государственного строя России обретала в глазах Достоевского вполне реальные черты, и он не мог не реагировать на эту угрозу. Противостояние ей и заявление собственного видения кульминационной точки в трансформации России, начавшейся освобождением крестьян, стали главными темами в январском (уже посмертном) выпуске «Дневника писателя» 1881 г.

«Дневник» начинался с язвительных пассажей в адрес «европейцев наших», «беложилетных» либералов, тоскующих по «увенчанию здания» в России. Но «европейская формула» конституции была, по Достоевскому, абсолютно чужда «складу русского народного мирозерцания». Да и общество, «целых два века оторванное от всякого дела и не имеющее никакой самобытной культуры», было просто не готово к получению парламентской «говорильни». Достоевскому виделся один – и совсем нежелательный – результат установления конституци-

онного порядка. Он пробудил бы в бывшем владельческом сословии стремление «стать опять над народом властью силы, уж конечно, не прежним крепостным путем» и, вместо единения с народом, «создать новую властную и разъединительную силу и стать над народом аристократией интеллигенции, его опекающей» [1, т. 27, с. 9–10].

Писатель высказывал убеждение в том, Россию исторически ожидало не «увенчание здания», а приступ к работе по «оздоровлению корней». «Первым самым главным корнем» был народ, нуждавшийся после своего освобождения в «духовном оздоровлении». Это оздоровление следовало начать с оказания ему доверия. В чем мог выразиться этот шаг навстречу народу? «Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду, – писал он. – И не нужно никаких великих подъемов и сборов; народ можно спросить по местам, по уездам, по хижинам. Ибо народ наш, и по местам сидя, скажет точь-в-точь всё то же, что сказал бы и весь вкупе, ибо он един» [1, т. 27, с. 21]. Вопрос о форме изъявления народной правды Достоевского пока не очень беспокоил, ибо он был уверен, что «народ наш за формами не погонится, особенно за готовыми, чужеземными, которых ему вовсе не надо» [1, т. 27, с. 21]. Обращение к «гласу народному» стало бы, по уверению Достоевского, «началом такой реформы, которая по значению своему даже могла быть выше крестьянской». Интеллигенция, наконец, услышит народ, и «двухвековая стена» между ними, «материально» павшая в 1861 г., теперь падет окончательно, «духовно».

Народ с его правдой не мыслился Достоевским без царя как «воплощения его самого, всей его идеи, надежд и верований его» [1, т. 27, с. 21]. Отношение русского народа к царю как к отцу есть «самый особый пункт, отличающий его от «всех других народов Европы и всего мира». Этого не хотят понять «умники»-либералы, желающие превратить Россию в жалкую копию Европы. Между тем полная гражданская свобода, которая, по убеждению Достоевского, придет в Россию, когда она минует период «лжеевропеизма», будет зиждиться только «на детской любви народа к царю». Здесь «дети» получают по части свободы многое такое, что «немыслимо у других, договорных народов» [1, т. 27, с. 22]. В одной из дневниковых записей 1881 г. Достоевский утверждал, что такая «семейная» свобода будет «либеральнее», чем конституционный порядок [1, т. 27, с. 71]; правда в журнальном тексте характеризовал все-таки свое понимание особенностей отно-

шения народа к монарху в России как отмеченное «печатью национальной и глубоко консервативной» [1, т. 27, с. 26].

Начав январский «Дневник» с атаки на либеральный конституционализм, Достоевский не ограничил себя этой темой в преследовании противника. Он указал здесь же на еще одно неприглядное проявление либерализма – его смыкание с бюрократией, составляющей в России «всё». Пытаясь встать над народом с требованием просветиться по-европейски, либералы, считал Достоевский, становятся еще одной чуждой ему властью. Столь дорогие либералам земские учреждения не избежали бюрократизации, даже «выборный мужик» метит в чиновники. А «либералы и европейцы наши», в случае получения конституции, и ту «приурочат к бюрократической опеке России» [1, т. 27, с. 28–31, 72]. Последнее утверждение родилось во время работы над «Дневником», но не попало в его текст, оставшись в записной тетради.

Нет, наверное, смысла перечислять здесь «пункты обвинения», выставленные Достоевским русским либералам: они хорошо прочтываются в том, что уже сказано. Не рискуем также касаться вопроса о мере исторической правоты сторонников консервативной (Достоевский) или либеральной модели развития России: любая попытка ответить на него сегодня будет нести на себе печать партийно-идеологической ангажированности. Поэтому ограничимся несколькими соображениями, которые, надеемся, будут полезны для еще более глубокого проникновения в тему.

В статье о полемике «Вестника Европы» с Достоевским в 1880–1881 гг. мы предложили рассматривать эту коллизию как начальную фазу третьего, заключительного этапа борьбы между славянофильством и западничеством [10]. Не будет натяжкой связать с ним и критику русского либерализма в «Дневнике писателя» – она стала прелюдией к противостоянию между «Вестником Европы» и аксаковской газетой «Русь» в первой половине 1880-х гг.

Признания Достоевским своего идейного родства со славянофильством, относящиеся к 1870-м гг., хорошо известны. Не следует только забывать при этом, что объективно его консервативно-романтическая («православно-народная» и «разночинская», по определению А. Валицкого) утопия не во всем совпадала со «стародворянской» утопией раннего славянофильства. Однако славянофилы были для него все-таки «своими». Представители либеральной стороны хоть и не могли уже согласиться с идентификацией себя как чистых европейцев, не делали при этом заметных попыток откеститься от первоначального западничества.

Парадоксальность ситуации состояла в том, что «перед судом» Достоевского в качестве «главных ответчиков по делу» о несостоятельности западнического либерализма предстали именно те либералы (А.Д. Градовский, К.Д. Кавелин), кто к этому времени успел уже отказаться от догматического европеизма. Этот совершившийся идейный поворот сводил на нет главный пункт их обвинения в публицистике Достоевского, а писатель или не смог, или не захотел разглядеть произошедшие в их взглядах изменения, предпочитая иметь дело с расхожим клише.

Взгляды Достоевского в их мировоззренческо-историческом измерении не представляли собой логического единства в тот момент, когда он выходил на поединок с русскими либералами. Противоречивым было его отношение к Западу, не отличались последовательностью оценки, которые он давал «скитальческому» диссидентству у себя на родине. В восприятии современной России также проступала очевидная двойственность. Беспощадный критик европейского капитализма принял в целом либеральные реформы 1860-х гг. у себя дома, в России. Согласился он и с сохранением помещичьей собственности на землю. Антикапиталистическая утопия Достоевского подрывалась, таким образом, в своем основании.

Заявив в Пушкинской речи о «великом недоумении» разделения русской мысли на славянофильство и западничество, Достоевский, казалось бы, призвал враждующие партии к примирению, послал сигнал о своей готовности встать на этот путь. Но сам не только ни на шаг не отступил от линии противостояния, но и ужесточил свои нападки на либералов. Вероятно, в примирительном жесте, который он продемонстрировал на пушкинских торжествах в Москве, превалировала все-таки надежда на то, что «белый флаг» выбросит противник и, в конечном счете, примет его «правду».

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990.
2. Вестник Европы. 1876. № 9.
3. Вестник Европы. 1877. № 1.
4. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула: Автограф, 2000. 456 с.
5. Градовский А.Д. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1901. VIII, 635 с.
6. Вестник Европы. 1880. № 7.
7. Твардовская В.А. Александр Дмитриевич Градовский: научная и политическая карьера российского либерала // Отечественная история. 2001. № 3. С. 40–51.

8. Китаев В.А. К.Д. Кавелин: между славянофильством и западничеством // В раздумьях о России (XIX век). М.: Археографический центр, 1996. С. 243–271.
9. Вестник Европы. 1880. № 11.

10. Китаев В.А. «Вестник Европы» в полемике с Ф.М. Достоевским (1880–1881 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 38–48.

**RUSSIAN LIBERALS IN FRONT OF THE COURT OF DOSTOEVSKY
(1876–1881)**

V.A. Kitaev

There are analyzed the main thematic lines in the struggle of Dostoyevsky against Russian liberalism on the pages of his «Writer's Diary» in 1876–1881. The personification of a hostile to him ideology is revealed, some features of anti-liberal argumentation in the writer's journalism are characterized. His opposition to the theory and practice of liberalism is seen as the threshold to the last stage in the history of the Slavophil-Westerners confrontation.

Keywords: Fedor Dostoevsky, «Writer's Diary», Timofey Granovsky, Eugene Utin, Vladimir Spasovich, Ivan Turgenev, Alexander Gradovsky, Konstantin Kavelin, Liberalism, Conservatism, Westernism, Slavophilism, Slavic question, advocacy, Constitutionalism

References

1. Dostoevsky F.M. The complete collection of works: In 30 t. 1.: Science. Leningrad branch, 1972–1990.
2. Bulletin of Europe. 1876. № 9.
3. Bulletin of Europe. 1877. № 1.
4. Troitsky N.A. Advocacy in Russia and political processes of 1866–1904. Tula: Avtograf, 2000. 456 p.
5. Gradovsky A.D. Collected works: In 9 vol. V. 6. St. Petersburg.: Printing house of M.M. Stasyulevich, 1901. VIII, 635 p.
6. Bulletin of Europe. 1880. № 7.
7. Tvardovskaya V.A. Alexander Dmitrievich Gradovsky: scientific and political career of a Russian liberal // Domestic history. 2001. № 3. P. 40–51.
8. Kitaev V.A. K. D. Kavelin: between Slavophilism and Westernism // In thoughts about Russia (XIX century). Moscow: Archeographic Center, 1996. P. 243–271.
9. Bulletin of Europe. 1880. № 11.
10. Kitaev V.A. «Bulletin of Europe» in the polemic with F.M. Dostoevsky (1880–1881) // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2020. № 1. P. 38–48.